

Вéдомо:

«... Рысь Русь была девушкою правил строгих: владеть ею никто не владел, волю её никто не безволил, а кто и пробовал – тех кости в земле, чернеют-тлеют, да имена рассеяны в пыль...»

Писано так в “Тайных Сказах о Птице Славе”, да кто есть: Рысь Русь?

Откуда она рысь пошла?

Рысь Русь из Славного Рода рысичей есть собирательница земель Рóсских: предводительница и хозяйка просторов.

В отличие от Правителя Рóси, коему по должности вменена вся ёмность официальной верховной власти,

Рысь Русь не наделена полномочиями вовсе: ни чинами, ни должностными мóгами. А и каковую табель удумать возможно для той, кто есть – душа Рóсских просторов?!

То ведь недаром:

“согласие главное” верховому правлению – власти верховной – в Рóси исходит отнюдь не от доблестных ратников, хотя и от них тоже, не от сословия служилого да сословия оборотистого, хотя и от них также, и не от властителей дум даже – от мудрецов-зверóсофов да поэтов-аздов, хотя без них не обходится! тем уж более – не от матёрых прожжённых татей-патриотов, подобных Лису Патрикию, хотя и они при делах, ибо везде – первые, –

согласие верховому правлению – в первую очередь, и последнюю – должно исходить от Рысей, воплощающих Волю Великой Рóсской Ёми.

Коли ж такого согласия нет:

не сразу, так погода – но быть беде: рóсскому зверобунту, который беспощаден, а для взора предвзятого – бессмыслен.

На самом же деле: всё там “со смыслом”, и почему да зачем – тоже всем ясно:

ибо *мессиджу* меньшему, чем “в глотку клыком да хребтом об оглоблю” – самозваная, ли несправедная, ли зарвавшаяся власть не внемлет...

... и все злоречения о “бессмысленных бунтах”, буде и с пруфами – на солнцеликого Александра Сергеевича, мудреца-и-поэта людянского, во всех Мирах одинако великого, однако ж:

к властьюдержавшим вплотную стоящим был, да и сам: от крепостных владений частью кормился, (... к слову ж: “души” те крепостные, родню да семью поэта частично кормящие, коль скоро он стал помещиком-барином, – прежь того буйным нравом своим бунтовским дюже славились!..)

– все те речи лукавы, цель же их однокая: заболтать ловким словом поруху – смуте причинную, несправедность – мятежу предстоящую, несправедливость, в закон возведённую, да неизбежно к бунту ведущую!

... Лукавы те речи о гневах народных, в бунты ринутых. И лгут же – ссылаясь на поэта великого, вырвав сочное слово – одно лишь! – из сказа, в коем деяния злые, к смуте ведущие, и обозначены.

Сами ж бунты, и верно: дело паскудное, дюже кровавое!

И несправедны – чаще всего – много больше исходного,

ибо движет бунтом в зачале не рóзмысл, а перезревшая ненависть, и уж после – коли бунт не раздавлен, сам ли в крови да бесчинствах не захлебнулся, – лишь после: месьть накормив до кровавой отрыжки, – после только и вспомнят о справедливости, ради которой и зачиналось...

Но пока иного пути – к ней, к справедливости – явлено не было.

Посему уж пора бы иным вразумиться на опыте горьком: минувших замятен – ибо клыков да оглоблей в державе меньше не стало.

